

УДК 94(47+57):929(73)
ББК 63.3(2)62+63.3(7Coe)-8
Д94

Дэвис, Джозеф.
Д94 Моя миссия в Москве : дневники посла США 1936—1938 годов / Джозеф Дэвис ; [перевод с английского, комментарии В. Ю. Добрынина]. — Москва : Родина, 2022. — 432 с.

ISBN 978-5-00180-606-6

Книга написана на основе дневников, которые вел Джозеф Дэвис, посол США в СССР в 1936 — 1938 гг. Публикация дневников посла в Штатах в 1942 году вызвала неоднозначную реакцию в мировых СМИ, которые в большинстве своем пришли к мнению, что «это — самая отъявленная пропаганда Советского Союза. Ничего похожего ни в одной стране мира еще не публиковали, возможно, что и в СССР тоже».

Джозеф Дэвис объективно оценил процесс индустриализации, развитие СССР в ходе первых пятилеток и меры, предпринимавшиеся правительством страны для сохранения мира в Европе на максимальное возможное время. Дэвис прибыл в Советский Союз в тот момент, когда в Москве шел судебный процесс над группой Радека, стал свидетелем так называемых «чисток» и неожиданно для всех дал позднее (уже осенью 1941 года) этому положительную оценку.

На русский язык дневники Дэвиса не переводились, а та версия, что предлагается на Amazon, является автоматизированным переводом с английского.

УДК 94(47+57):929(73)
ББК 63.3(2)62+63.3(7Coe)-8

ISBN 978-5-00180-606-6

© Дэвис Дж., 2022
© Добрынин В.Ю., пер. с англ., коммент., 2022
© ООО «Издательство Родина», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
-----------------------	---

Часть I

Миссия начинается	17
Путешествие по России. Первые впечатления	25
Кремль и запреты диеты	31
Отчет президенту по вопросам долга и встрече с Калинин	37
Неготовность Франции	42
Судебный процесс по делу Радека	45
Нейманн о немецкой агрессии	68
Литвинов предупреждает относительно Гитлера	72
Первые дискуссии по советской задолженности	75
Обед на даче Розенгольца	79
Снова о процессе Радека	81
Литвинов выступает против войны и «нейтралитета»	90
Молотов показывает полное непонимание темы долга	97
Визит в кремль. Слухи об арестах	98
Впечатления от Ленинграда	100
О состоянии долга СССР перед США	105
Российская промышленность: как это работает и почему	107
Литвинов, Испания и коллективное обеспечение мира	116
Женский обед на молотовской даче	120
Производство золота в СССР	123
Сталин и всеобщее избирательное право	126
Компромисс между коммунизмом и природой человека	127
«Волк и Красная шапочка». Выступление М. Майского, советского посла в Лондоне	130

Часть II

Вашингтон и Восток. Апрель — июнь 1937 г.	137
Планы агрессивной инфильтрации Германии	140

Часть III

Чистка поразила Красную Армию	148
Убийство красных генералов	150
Жизнь в Москве	152
Советско-японский амурский пограничный инцидент. Когда Япония обнаружила, что Россия не блефует	153
Влияние чистки на европейский мир	156
Операция по зачистке — армия остаётся верна Сталину .	159
Ведение бизнеса со Сталиным	162
Русский медведь разворачивается	164
Почему расстреляли Тухачевского	173
Реальное состояние сталинского режима	185

Часть IV

Россия глазами соседей	187
Пиратство в Средиземноморье	194
Предполагаемая деятельность Германии и Финляндии в России	195
Двадцатилетие революции в России	200
«Литвинов был чрезвычайно пессимистичен»	210
Расчет барона Штайгера	220

Часть V

Как чистка ударила по Бухарину	221
Открытие судебного разбирательства по делу Бухарина-Рыкова	224
Пятая колонна в России	229

Часть VI

Москва слушает барабаны войны	237
Литвинов опасается «фашистского мира»	240
Польский ультиматум Литве	242
Общее положение в Европе на взгляд из Москвы	245
Отношения Советского Союза с дальневосточными странами	246
Ничто не может остановить Россию	247

Часть VII

Кульминация миссии	257
Россия и Япония: анализ отношений. Ситуация в Европе	272
Неожиданная встреча со Сталиным	275
Подготовка к расставанию с Москвой	285

Часть VIII

Итоговое резюме и отчет по Советскому Союзу	298
---	-----

Часть IX

Пожиная плоды миссии	343
Письма Молотову и Сталину	344
Советы устали от «нереалистичного» противостояния Великобритании и Франции агрессору	350
Малые страны Европы напуганы возможным нападением Германии	355
Ультиматум Молотова	358
Нацистско-советская бомба	365
«Русский медведь красиво отомстил за Мюнхен»	374
Примечание о Красной Армии	385
Коммунизм лучше нацизма	394
Анализ сопротивления русской армии и перспективы развития войны	401
Последнее слово	417
Заключение	420
Список персоналий	423

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это было 25 августа 1936 года. Джозеф хорошо помнил дату, потому что она — день рождения его матери. Он гостил у неё в Адирондаке, когда раздался этот долгий телефонный звонок. Не известно почему, но такие Джо отличал сразу — они, кажется, даже тренькали как-то по-особенному: важно и настойчиво. Звонил Стивен Эрли^{*1}, пресс-секретарь Белого дома. Ровным голосом, стараясь не проявлять эмоции, которые, впрочем, именно поэтому и угадывались, «старина Стив» сообщил, что его хочет видеть президент.

Если вам звонят из Белого дома, задавать вопрос «когда?» просто глупо. Звонок оттуда всегда означает: «Сейчас. Немедленно. А вы что, ещё не в приёмной?»

Через три минуты он уже ехал в Вашингтон.

Президент принял его в Овальном кабинете, поприветствовал, пригласил отобедать. Накрыли тут же — прямо на рабочем столе главы государства. Дождавшись, пока сервировщики уйдут, Франклин Делано Рузвельт выдержал продолжительную паузу, в течение которой рассматривал лицо гостя, пытаясь заметить малейшее движение мимических мышц, сужение или раскрытие зрачков, колебание век. Приглашённый внешне казался расслабленным и только глаза выдавали напряжённое ожидание: «Так зачем же вы меня вызвали, сэр?»

— Нам нужно обсудить ваше возможное назначение на работу за границу. В одну очень важную страну, — наконец, произнёс Рузвельт.

Слово «важный» в качестве характеристики для понятия «дипломатическая работа» — вещь экстремальная.

¹ Знаком * переводчиком отмечены персонажи из «Списка персоналий» в конце данной книги. — *Примеч. ред.*

«Очень» — вдвойне. Международные отношения по определению неважными не бывают. Но тут... Гость согласно кивнул. Кажется, он даже с этого полунамёка понял, о какой стране пойдёт речь.

Гостя звали Джозеф Эдвард Дэвис. Его знакомство с хозяином Овального кабинета исчислялось не одним десятком лет — в годы их политической молодости они оба были при деле в администрации президента-демократа Вудро Вильсона (на далеко не первых ролях, но тем не менее). Знакомство постепенно переросло в дружбу и совместное проведение досуга — оба любили гольф и посещали неформальный клуб общественных советников при администрации. Франклин, несмотря на то, что был младше Джозефа на шесть лет, котиrowался в плане политических перспектив выше, но никогда этого не подчёркивал, прекрасно понимая, что для достижения самых верхов нужны надёжные проверенные помощники, а такие, как правило, снобов на дух не переносят.

Так они и поднимались по жизни, не теряя друг друга из виду.

Дополнительной связью, крепившей их дружбу, были мамы. Мать Рузвельта души не чаяла в Джозефе, выделяя его среди всех друзей сына. Мать Дэвиса постоянно восхищалась Франклином, считая его самым интересным среди всех товарищей своего отпрыска и время от времени повторяла, что Рузвельт когда-нибудь обязательно станет президентом Соединённых Штатов.

Обед проходил не спеша, за разговорами-воспоминаниями молодых лет. Джо не торопил Фрэнка, прекрасно зная, что, во-первых, тот не любит, когда его подгоняют. А во-вторых, раз позвал, да ещё срочно, значит, всё равно поделится мыслью, зачем.

— Я поговорил с Корделлом* [Халлом]. Мы пришли к выводу, что тебя можно направить в Германию или СССР. Что предпочтёшь?

По собственному признанию Дэвиса, он должен был про себя произнести «вот это да!» но почему-то этого не сделал. Удивления предложению не было, хотя Джозеф

дипломатической практики до того момента не имел. Зато практики партийной работы и опыта юридической деятельности хватало. Мысль «а вдруг не справлюсь» в голову тоже не приходила — её не пускали уверенность, что как раз справится, и желание поехать в Москву.

— Почему Россия? — услышал он голос президента. Оказалось, что Джо уже произнес вслух «Москва».

— Они обе — самые динамично прогрессирующие страны Европы. Но Россия — интереснее.

«Хорошо, что не предложил Францию, — подумал Дэвис. За несколько дней до этой их встречи в Париже скончался американский посол Джесс Страус. — Как бы я отказывал Фрэнку, если бы он захотел меня видеть на берегах Сены? Да, миссис Дэвис была бы против Парижа, но насколько это было бы весомым аргументом в оформлении отказа президенту?»

Впрочем, вопрос был риторическим — мы уже говорили, что Джо чувствовал: его позвали в Белый дом не для того, чтобы отправить гулять по Монмартру.

Германия, кстати, тоже не виделась перспективной в смысле дипломатической карьеры: сидевший послом в Берлине Уильям Додд* вполне устраивал Вашингтон и не выглядел фигурой, которую в течение ближайших месяцев Белый дом собирался переместить куда-нибудь в почётную ссылку на задворки дипломатии. Всё в политическом мире, конечно, может меняться в мгновение ока, но рассчитывать на такой авось по-серьёзному не стоит, а наживать себе неприятелей, занимая их место в манере «отжимания тёплого поста по протекции сверху» — оружие обоюдоострое. И доказывать потом, что ты к этой протекции никого не подталкивал, а «они там наверху сами всё так решили» будешь столь же долго, сколь и безрезультатно.

В общем, Советский Союз как место будущего назначения, таким образом, вырисовывался не только, как пожелание Дэвиса, но и высчитывался методом исключения прочих мест, казавшихся на первый взгляд, вероятными.

Рузвельт не стал изображать удивление или одобрение. Он вообще, кажется, не ждал никакого ответа, будучи

уверенным, что Дэвис согласится, а раз так, то пауза в речи президенту нужна было только для того, чтобы набрать в лёгкие воздуха для изложения своего плана. А Джо (вольнo или невольнo) воспользовался ею, чтобы выразить свое согласие с предложением, да ещё и с комментарием, почему он делает свой выбор.

— Россия будет ключевой точкой ближайшей истории Европы, — произнёс хозяин Овального кабинета. Хотя Российская империя перестала существовать уже полтора десятка лет, вполне достаточных, чтобы научиться произносить «Советский Союз», 32-й президент США предпочитал называть государство со столицей в Москве Россией. Не объясняя, почему так. Впрочем, никто ему этот вопрос и не задавал.

— Мне нужно составить объективную картину: оценить сильные и слабые стороны этой страны, чтобы понять, как скоро в Европе начнётся война.

«И на чьей стороне вступать в неё Америке», — дополнил мысленно слова Рузвельта Дэвис, о чём признался в выпущенной через несколько лет после того разговора книге «Миссия в Москву». По словам автора, он почувствовал, что глава Америки не столько жаждал войны в Европе, сколько хотел «внести посильный вклад в сохранение там мира насколько это возможно», но, кажется, был при этом чересчур оптимистичен.

«Президент думал, что моё умение решать сложные юридические задачи поможет ему в реализации плана сохранения мира. Он считал, что обе стороны — и Германия и СССР — провоцируют друг друга на увеличение военных расходов, именно так понимая обеспечение мира между ними. Мира через понимание невозможности победить противника по причине равенства сил и ощущения, что нарушить этот паритет невозможно, если темпы развития соперников будут одинаковыми, — напишет Дэвис несколько лет спустя. — Президент считал, что если удастся как-то затормозить развитие производства вооружений обеих сторон, это позволит сохранить мир надолго. Свести вооружённые силы противостоящих государств к подразделе-

ниям полиции — было бы идеальным решением вопроса. Рузвельт сказал мне, что хотел бы, чтобы я именно в таком ключе прорабатывал всю информацию, которая будет мне поступать. И подчеркнул при этом, что хотел бы убедиться в том, насколько искренен Гитлер в своих заявлениях о стремлении к миру».

«Готовя моё пришествие в дипломатию, Рузвельт рассматривал назначение меня в Германию в качестве самого последнего из планов. На случай, если я не соглашусь ехать в Россию», — напишет позднее Дэвис в своей книге «Миссия в Москву». Трудно сказать, хотел ли он подчеркнуть этими строчками умение 32-го президента США предвидеть ситуацию или просто решил отпустить комплимент старому товарищу, который мог бы ещё сослужить неплохую службу. Работа Дэвиса вышла из печати в 1941 году, Франклин Делано тогда был ещё у власти, и всё говорило, что вышибить его с вершины американской иерархической лестницы не удастся никаким выбором. Только смерти это под силу.

«Я видел, что он доволен моим решением. Да мне и самому оно нравилось не только потому, что понравилось президенту. Мы стали вспоминать наше прошлое: как ещё Вильсон собирался направить меня в Советский Союз в 1913 году. Он даже предложил мне это назначение, но я отказался. Теперь знаю, что это было глупо, но тогда... Тогда я очень рассчитывал, что стану сенатором от Висконсина, но проиграл те выборы. Потраченного впустую времени было жаль, но я утешал себя словами, что приобретённый опыт политического соперничества мне ещё пригодится», — вспоминал потом Джозеф Дэвис.

Как только они — Рузвельт и Дэвис — обнаружили, что определились с местом назначения последнего, в Овальном кабинете возник Корделл Халл, глава Государственного Департамента и старый знакомец обоих. Госсекретарь увёл Джозефа к себе, по пути рассказывая тому, что в принципе, они оба — и президент, и госсек — имели на счёт того, кого послать в Москву, совпадающее мнение, и он рад, что не ошиблись, предполагая, что Дэвис будет с ними солидарен.

Не дожидаясь подписания указа президента о назначении Корделл и свежееиспечённый посол США в СССР сели обсуждать положение в Европе. Тогда Джозефу Дэвису даже и мысль не приходила в голову стать плюс ко всему писателем, издав свою книгу документов и впечатлений о годах, проведённых в Москве. Но когда он вернулся из двухгодичной командировки в Советский Союз, ощущения, что он видел «этих русских» не такими, как видят все, и что этот загадочный усатый горец — совсем не то, что говорят о нём за пределами его страны, понял, что не может не написать. Он должен был рассказать людям о Сталине. Так, как он, американский посол его видел: вблизи и нередко. Книга получилась... Какой? Пожалуй, лучшим и самым точным ответом на этот вопрос будет вот эта информация: когда по бестселлеру (да-да!) Дэвиса сняли фильм, ту ленту называли «самым пропагандистским (в пользу СССР и Сталина) кино в мире».

«После моего отъезда из Москвы Россия оказалась в гуще борьбы за ответ на вопрос, будет ли являться сообщество наций на планете Земля упорядоченным и мирным. Или оно будет управляться группой бандитов и преступников, готовых разрушить всё, что мы ценим в жизни. Перед поездкой в Москву я даже не думал, что буду писать об этом книгу. После возвращения я понял, что не могу не написать её, настолько изменились времена», — так объяснил в предисловии к своей «Миссии в Москву» её автор. — Ещё недавно казалось, что СССР и Гитлер подружились. Каждая из двух держав дала другой торжественное обещание не нападать на неё. Но сегодня сотни тысяч русских мужчин и женщин, чьи дома на рассвете были атакованы по команде мнимого друга, храбро сражаются и бесстрашно умирают за дело, которое крайне важно для нашей безопасности. Теперь они, Советы, — наши союзники».

«В нашей стране о России и Советском Союзе было, да нет, пожалуй, просто насаждалось неправильное мнение, которое было основано на предубеждении и дезинформации. Надеюсь, моя книга позволит читателю взглянуть на эту страну, ее народ и особенно, лидеров, другими — моими глазами, не обвиняя при этом ав-

тора в пристрастии и спорном толковании событий и ситуаций», — написал Дэвис в предисловии. Подчеркнув, что прежде чем начать «получать факты из первых рук», читатель сначала должен ознакомиться с кредо автора, его принципами и жизненными ориентирами. К описанию чего немедленно и приступил.

Джозеф Дэвис — фигура для мира дипломатии, конечно, своеобразная. Крайне редко, а в те времена, когда он «посольствовал», особенно, можно найти личность, предпочитающую выражаться по максимуму просто, ясно и не прибегать (почти) к замысловатым оборотам, позволяющим понимать озвученную мысль двояко.

«Я сразу сказал господину Сталину, президенту Калинину и другим советским лидерам, что я точно не коммунист. Меня называют капиталистом. Я горжусь этим определением, но думаю, что мне больше бы подошло слово «индивидуалист». Капитализм с сопутствующим ему правом собственности является просто результатом индивидуалистического порядка в обществе, которое даёт каждому из нас возможность приобрести недвижимость, соответствующую нашим способностям в обществе честной конкуренции. Индивидуализм не является собственностью. Это индивидуальная свобода мысли и возможности. Капитализм — это только одна сторона индивидуализма. На самом деле, я являюсь продуктом такого индивидуализма».

Сто процентов, что это высказывание Дэвиса «господа Сталин и Калинин» внимательно выслушали лишь наполовину. Ровно до того момента, когда прекратилась конкретика («я не коммунист») и начались философские размышления о сущности индивидуализма.

Отправляясь в Россию (СССР, конечно), он для себя решил, что «не возьмёт с собой предрассудки», а будет «работать, воспринимая всё открытым разумом». Отчёты, которые он отправлял в Госдеп, письма которые слал домой, записи в дневнике — всё это, по его словам, «дышит честностью и реальностью в восприятии личностей, с которыми приходилось контактировать», и событий, которые он должен был освещать.

«Приукрашивать глупо, выдавать желаемое за действительное и препарировать события под заданные критерии — плохая и опасная идея, ведь это может привести к неправильным выводам и принятию неверных решений. Может быть фатальных. Надо всегда уметь отличать преднамеренность от объективного стечения обстоятельств, — отметил Дэвис в своей книге. — Когда я покидал Россию, президент Калинин сказал мне, что они сожалеют, что я уезжаю. Они видели, что я не был согласен с их верой и политической идеологией. Но они считают, что я был честным в моей оценке событий и искренним в моих усилиях, стремясь увидеть, что реально происходит».

«Кто-то из старых французских философов сказал: «Когда ты знаешь человека, ты не можешь ненавидеть его». Я узнал лидеров Союза Советских Социалистических Республик. Это группа способных, сильных людей. Я не согласен с ними во многом, но я готов уважать их за честность убеждений. На мой взгляд, эти люди считают, что они делают всё правильно. Я не сомневаюсь, что они посвятили себя делу мира, хотя их идеологические установки не совпадают с нашими. Я испытываю глубокое уважение и привязанность к русским людям. У них есть великие качества воображения и идеализма, которые нашли отражение в их литературе, в их музыке и в их искусстве. У них есть великие духовные качества».

Готовя книгу к публикации, Джозеф Дэвис меньше всего хотел быть обвинённым в просоветскости, прогерманскости или ещё каком-либо «про», поэтому предварил основную часть материала следующей пометкой:

«Материал в этой книге состоит из следующего:

— Мои доклады в Государственный департамент, отправленные из Посольства в Москве, из Брюсселя или из какого-либо другого места, где мне по долгу службы приходилось бывать, исполняя свою миссию;

— Личные письма чиновникам или друзьям;

— Записи из дневника;

— Специальные меморандумы, интерпретирующие или комментирующие определенные факты в тексте.

Официальные сообщения говорят сами за себя и представлены во всех материалах.

Мои мнения и суждения основаны на фактах и ситуациях, что подчёркивается приводимыми датами используемых сообщений. В некоторых случаях мне приходилось что-то сокращать, просто, чтобы избежать повторов уже сказанного.

Оригинальные записи в дневнике, когда я их разбирал, часто казались мне краткими и загадочными — так я пытался их зашифровывать, чтобы в случае попадания дневника в чужие руки, никто ими не мог бы с лёгкостью воспользоваться. Но чтобы сам я впоследствии без труда мог вспомнить, о чём и о ком речь. Некоторые из записей дневника, как видно из текста, были расширены для ясности, другие такого не имеют».

Этимися словами Джозеф Дэвис завершил вступление к своей книге «Миссия в Москву».

Предполагаю, что мой русскоязычный читатель не обидится на меня, что художественных преувеличений, романтических зарисовок и лирических отступлений от довольно сухого текста дневника посла будет немного. История, как любил повторять мой истфаковский декан, профессор В.Н. Худяков, наука точная. Так что отклоняться в лирику в ней можно лишь соблюдая условие «не переври авторский текст».

И ещё один нюанс: чтобы не перегружать тебя, дорогой читатель обилием кавычек, я оставляю только те, что были выведены пером Дэвиса. Цитаты из его дневника будут идти обычным шрифтом, а свои пометки, размышления, рассуждения и отступления я буду укладывать в курсив.

ЧАСТЬ I

МИССИЯ НАЧИНАЕТСЯ

Вашингтон, 16 ноября 1936

Президент в этот день подписал документ о назначении меня его послом США в Союзе Советских Социалистических Республик. В тот же день о назначении сообщено в прессе.

Наблюдательный читатель наверняка заметил словечко «его» в этой фразе, которое вроде бы не совсем вписывается в грамотный литературный перевод. Но фокус в том, что «его» есть у автора дневника. И оно здесь — не описка. А очень важное, я бы даже сказал, ключевое слово. Рузвельт назначил Дэвиса не просто послом США, а СВОИМ (или именно ЕГО, если так понятнее) послом Америки в СССР. Личным представителем президента в Москве. Его ушами, глазами, мозгом, способным не просто воспринять и передать происходящее в Вашингтон, но проанализировать, выразить СВОЁ отношение, которое может и не совпасть с президентским. Но ни в коем случае не подстраиваться под мышление Рузвельта. Президенту нужна объективная информация с места с комментариями, которые не сможет дать человек, не варящийся в московском котле. Поэтому — ЕГО ПОСЛОМ. С правом говорить президенту все, что думает. Ис индульгенцией на отпущение грехов, если хотите.

Вашингтон, 23 ноября 1936 г.

Принял присягу в кабинете государственного секретаря, в присутствии многих старых друзей. В их числе Пэт Харрисон*, Стив Эрли*, Джесси Джонс*, Дэн Ропер*, Миллард Тайдингс*, Джо Тумалти*, Дик Уэйли*, Лео Кроули* и

другие. Дети и Марджори тоже присутствовали, что доставило мне особое удовольствие.

Вашингтон 14 декабря 1936 г.

Присутствовал на обеде, который дал в нашу честь советский посол [Александр Трояновский] и мадам [Нина] Трояновская в своей резиденции. Превосходный обед и отлично подано. Мы оба [с женой] получили огромное удовольствие.

Вашингтон 15 декабря 1936 г.

Продуктивно побеседовал сегодня с Самнером Уэллсом* по поводу Советского Союза. У него большой и разнообразный дипломатический опыт. Считаю, что он дал мне много полезных советов, да и представил своё мнение относительно СССР и ситуации в нём.

Похоже, что вне рутинной работы, такой как продвижение американских интересов и защиты американских граждан, задачи моей миссии в Москву выглядят примерно так:

Во-первых, вести переговоры о возобновлении торгового соглашения с этой страной — срок действующего истекает в следующем году. Соглашение предусматривает закупки американской продукции советским правительством. Требуется урегулирование ситуации, возникшей из недоразумения, которое случилось в связи с так называемым долговым соглашением. Это было частью прежних переговоров между Президентом и Литвиновым, когда Соединённые Штаты признали СССР. Советское правительство отказалось выполнить то, что казалось его обязанностью — произвести определённые расчёты по российскому долгу перед США. Предстоит урегулировать эту проблему так, чтобы сохранить наше чувство собственного достоинства и восстановить дружеские отношения и сотрудничество с Советским Союзом. Особенно с учётом китайско-японской ситуации и вероятности начала мировой войны в Европе.

Мне надо хорошо изучить вопрос, насколько силен Советский Союз политически, индустриально и в чём состоит его стратегия отношений с Германией Гитлера и сохранения мира в Европе. Такие задачи моей работы в Москве я вижу пока отсюда.

Похоже, мне предстоит интересно провести там время, анализируя параллельно отношения, складывающиеся между Германией с одной стороны и Францией, Англией и остальной Европой с другой.

Нью-Йорк 30 декабря 1936 г.

Мы с Марджори пошли на прощальный ужин в отеле «Мэйфлауэр» (*Mayflower — престижный отель в Нью-Йорке*), организованный комитетом старых друзей, возглавляемым Генеральным прокурором Гомером Гаммингсом. Красивый жест моего старого друга Гомера, которому пришлось преодолеть некоторые трудности при организации мероприятия. Это было выдающееся собрание, на которое пришли большинство лидеров всех трёх ветвей власти независимо от партийной принадлежности. Меня это очень тронуло.

Собственно говоря, одним из не важных, но очень приятных последствий факта моего назначения был большой интерес к нему старых друзей, которые буквально завалили меня добрыми пожеланиями. На обеде были мои старые приятели из Федеральной торговой комиссии, включая всех тех, кто работал со мной, когда я был комиссаром Кордела при президенте Вильсоне.

Что меня удивило и действительно поразило, так это большой контингент, приехавший из Вашингтона, во главе со стариной Стивом Эрли (*следует перечисление из десятка имен и фамилий, которые на дальнейшее повествование влияния никакого не окажут, поэтому считаю возможным их опустить*). Многолетние партнёры по работе, ставшие на этой почве друзьями.

Вашингтон 2 января 1937 г.

Мы с Марджори неофициально поужинали с президентом и миссис Рузвельт в Белом доме. Президент был в на

редкость хорошей форме. После обеда мы с ним удалились в Овальный кабинет для получения мной последних инструкций по моей миссии. Принимая во внимание расхождение во взглядах между США и Советским Союзом на долговое соглашение, Рузвельт предложил мне вести себя дружелюбно, но сдержанно. Нам нужны хорошие отношения с СССР, но при этом необходимо демонстрировать, подчёркивать и намекать, что президент и госсекретарь глубоко разочарованы неспособностью (или нежеланием) их правительства выполнять возложенные на них обязательства. Мы, по мнению президента, должны всячески показывать, что не будем искать дальнейших переговоров — пусть Москва сделает первый шаг, ей это нужнее, чем нам

«Подожди, — сказал он, — и посмотри, что будет». В это время он думал, что для меня будет полезно приложить все усилия, чтобы получить всю информацию из первых рук, на основе собственных наблюдений. Оценить силу режима с экономической и военной точек зрения, а также попытаться понять, как они оценивают возможность возникновения европейской войны, и какова будет их политика в случае её начала.

Вашингтон, январь 1937 г. (точная дата не указана)

Был у советского посла Трояновского. Он высказал опасения, что моё пребывание в Москве может оказаться для меня некомфортным из-за прохладного отношения со стороны советских чиновников, проявляемого вследствие возникших разногласий или даже недоразумений между США и Советским правительством. Кроме того он отметил, что советское правительство знает о моём капиталистическом мировоззрении и в курсе моего профессионального и делового опыта, полученного в период работы при президенте Вильсоне в качестве председателя Федеральной торговой комиссии. Исходя из этого, в России надеются, что в оценке их ситуации я буду исходить из реальности и судить об их проблемах объективно и беспристрастно.

Он был совершенно прав. Я ответил ему, что не собираюсь прятать своё мнение за общие слова и хочу играть

в открытую. И надеюсь, что любые спорные вопросы могут быть решены за счет чёткого понимания позиции каждой стороны. Главным расхождением между правительствами был вопрос о долге. Я сказал Трояновскому, что работать буду по указанию президента и государственного секретаря. И лично я чувствую, что будет большой ошибкой правительства Советского Союза не разрешить недоумение по вопросу долга. Это подрывает доверие, которое президент Соединенных Штатов и наше правительство высказывали относительно честности и надежности обещаний СССР.

Вашингтон, 4 января 1937 г.

Официальный ужин, устроенный в нашу честь японским послом Сайто и его супругой в их резиденции. Сайто — мой старый друг, мы с ним частенько играем в гольф в клубе Burning Tree («Горящее дерево»). Это был очень приятный жест с его стороны — устроить небольшую вечеринку, чтобы немного развлечься. Приглашение, честно говоря, меня сбило с толку: я же собирался в Москву, а Япония и Советский Союз между собой почти не разговаривали. Поэтому я решил быть совершенно недипломатичным и задать Сайто вопрос в лоб, как это будет выглядеть со стороны [участие в вечеринке] и не мешает ли моей будущей деятельности. Он схватил суть сразу и сказал:

«Ничего страшного. Всё решается просто. Мы пригласим моего коллегу, советского посла Трояновского с женой».

То, что казалось мне проблемой, было решено в минуту. Мы провели приятный вечер. За кофе международные отношения были укреплены — этому способствовало обсуждаемое нами предложение создать международную группу гольф-клубов Burning Tree, похожую по конструкции на Rotary International. Ни у кого не было сомнений, что вашингтонское «Горящее дерево»* должно быть номером один в этой организации. Спор вышел, кто — Москва или Токио — будет номером два. Договориться не удалось, и мы в шутку решили передать это дело на рассмотрение в Лигу Наций.

Вашингтон, 5 января 1937 г.

Мой старый друг Оуэн Д. Янг, председатель Совета директоров General Electric Company сумел найти в своем напряженном расписании пару часов, чтобы поговорить со мной о России. General Electric сделал бизнес на миллионы долларов с «Амторг», официальным представительским учреждением Советского Союза в нашей стране. Янг сказал мне, что советское правительство имеет исключительно высокий рейтинг в банковских и деловых кругах Нью-Йорка и США в целом. Сказал, что русские имеют репутацию людей тщательно следящих за выполнением своих финансовых обязательств, всегда платят вовремя и даже раньше установленного срока.

General Electric поддерживает деловые отношения с Советским правительством уже десять или пятнадцать лет. Все это время, по словам Янга, Советы были скрупулёзными и быстрыми в своих платежах и выполняли свои обещания. Именно так они и создали себе превосходную репутацию в среде предпринимателей. Некоммерчески мыслящие люди и политики, имеют здесь, в Америке, о русских несколько иное мнение.

Берлин 14 января, 1937

Прибыл в Берлин и сразу же посетил с официальным визитом посла Уильяма Додда. С его подачи встретился с Яковом Сурицем, советским послом. Тот был весьма любезен. Он и его сотрудники к нам очень внимательны. Суриц говорит, что МИД (Литвинов) получил экспресс-указание Кремля (Сталина) относиться к новому дипломатическому представителю США со всей вежливостью и недопущением каких-либо трений, которые, возможно, существовали в прошлом. Москва не хочет, чтобы эти трения испортили отношения с новым послом. Я был рад это слышать.

Берлин 16 января 1937 г.

Мы остановились здесь на несколько дней. Посол и госпожа Додд устроили нам очень приятный завтрак. Ял-

мар Шахт (*президент Рейхсбанка*) и его жена, бывший посол Германии в Вашингтоне фон Гаффрон-Притвиц, посол Польши Липски и посол России и мадам Суриц, а также мой старый товарищ и сокурсник по университету Висконсина Луи Лохнер — хорошо посидели, без напряжения.

Довольно долго общался с руководителем «Русского бюро» в министерстве иностранных дел Германии. К моему удивлению, он заявил, что мои взгляды на устойчивость внутрироссийских политических условий и систему безопасности сталинского режима не совсем верны. Реальный Сталин, считает он, не соответствует тому образу, который укоренился у нас, и я свои взгляды вскоре пересмотрю.

В соответствии с договорённостью, достигнутой за завтраком, я позвонил Шахту в Рейхсбанк. Он договорился отрезать себя от всех телефонов и посетителей на пару часов и мы хорошо, по-деловому побеседовали. Шахт был очень расстроен проявлением якобы несправедливости к экономическим проблемам Германии со стороны Франции и Великобритании. И выражал своё восхищение американским президентом, называя его одним из величайших людей в мире и человеком, умеющим находить простые решения в сложных ситуациях благодаря «дружбе со здравым смыслом». В этом Шахт усматривал отличительную черту настоящего гения.

Берлин, 17 января 1937 г.

Вчера увидел в газете интересное заявление нацистов: «Мы ожидаем смены эпох, полного распада политической и социальной идеологий. С демократией покончено. Сегодня она — сознательно или несознательно — не что иное, как очаг инфекции, переносчица бацилл и проводник идей большевизма. Это — одна группа; мы — другая. Будущее перестанет держать коллективизм заложником неопределённой реакции масс. Мы будем знать точную реакцию народа и планировать её. Демократия — это песок. Зыбучий песок. Наш государственный политический идеал — скала-гранит».